

МИР, НАСЕЛЕННЫЙ ГЕРОЯМИ

Сегодня отсюда выйдет добрая Аленушка, за ней вприпрыжку поскочат злая баба Яга и Кикимора. Завтра выбежит легкомысленная девушка с потоком волос, цвет которых любой бы художник посчитал за находку. Послезавтра прикроют дверь отважные друзья Павки Корчагина, и у Изабеллы Платоновны Кокашвили дрогнет сердце. За пять минут до начала спектакля она тихонько спустится на сцену и посмотрит на них еще раз. У меня тоже дрогнет сердце: точно такие глаза были у моего друга, старого одесского лодмана Еремеича, когда он провожал корабли.

Вы, наверное, уже догадались, что мы находимся в гримерной мастерской театра юного зрителя, куда, кстати, не раз приходили на экскурсию школьники (и у одного из них, мне рассказывали, в душе произошел резкий переворот: решил стать не военным, как сосед дядя Коля, а... волшебником — так он определил профессию Изабеллы Платоновны). Но волшебнику Изабелле Платоновне в отличие от Хоттабыча нужно ой как много работать. Сколько бы раз она ни произносила таинственные заклинания — сидящий в кресле молодой актер так и не станет бородатым стариком, если не взять в руки накладку, кисточку и не «попортить» немного нервы. Почему-то никто не любит лак, и поэтому случаются иногда курьезы — для кого смешные, для кого и печальные: вдруг во время пылкого монолога один из живописных бакенбардов начинает отклеиваться. Все внимание зала переключается на него...

— Изабелла Платоновна, вам приходится работать над гримами «историческими»...

— Немного.

— Сказочными и...

— Подростковыми.

— Наверное, это три совершенно разные области со своими трудностями. И все же

какой грим подготовить сложнее?

— Безусловно, «исторический», где стремишься к предельному портретному сходству. Помню, как в один прекрасный апрельский день подходит ко мне наш актер Саша Тарасенко и говорит: «Беллочка, выручай! Ребята из общества охраны природы горят желанием принять участие в областном фестивале самодельных фильмов. Мне они предложили сыграть роль Никитина».

Четыре раза ходили мы в дом-музей поэта, подолгу простаивали перед его бюстами, рассматривали подлинные фотографии, читали его письма друзьям. Потом, когда я там же загримировала Тарасенко и он распахнул дверь в соседнюю комнату, старенькая работница музея ахнула: «Иван Саввич!»

Кстати, фильму (он получился художественно-документальным) присудили на фестивале первую премию. Моя заслуга в том невелика, но настроение было великолепнейшее. Даже постоянный преследователь (чувство «что-то не так») оставил на время в покое.

— А как часто бывает состояние беспокойства?

— О, почти всегда, когда работаю. Однажды мы здорово намучились с Диким из пьесы Островского «Гроза». Его играли два актера: у Кондаловой, как говорят, фактура сразу подошла, а вот с Абдулаевым пришлось полмать себе голову. Обычно Анатолий Гафарович гримируется сам, но тут обратился к нам за советом. Вначале «сделали» его лысым. Посмотрели на генеральной репетиции: нет самодура Дикого с его прихотями. Ходит какой-то мужичонка, кричит, ругается — а не страшно. Слуги и приказчики его не боятся, жена и племянник Борис — тоже. Что делать? Примерили второй парик — седой ежик — еще хуже. Ну, никак внешний рисунок роли не совпадает с

внутренним. У нас настроение скверное: хожу по своей мастерской и даже на шутки не отвечаю. Абдулаев нервничает. К счастью, кто-то подал мысль взять короткие рыжие волосы, «тощую» бороденку и усы. Приклеили и... — тот самый Дикой, каким он нам представлялся еще в школе.

Что касается сказочных гримов... После драматического театра имени Кольцова, где я проработала пять лет, оказалась в другой мир попала. Наткнулась в шкафу на какие-то «кошки-мышки» — то ушки кота Василия, то борода Карабаса-Барабаса, — не придавала им серьезного значения. Когда же пришлось заняться подготовкой париков для «Золотого ключика», увидела: работа интересная и сложная. Долго не получалась Мальвина. На сценах других детских театров она выбегала веселая, оживленная, с голубыми волосами — волнистыми или уложенными буклями. А у нас появлялась уродливая лилипутка с неестественно большой головой. Тогда я взяла в руки расческу, гладко расчесала парик, сделала не густую челку — (вроде бы мелочи) — и Мальвина преобразилась.

— В основном вы мне рассказали о работе над париками. А работа с гримом?

— Наши актеры проходили этот предмет в театральном

институте и гримируются сами. Я им лишь даю советы, какие тона наложить.

— Часто спрашивая у учителя или врача, почему он выбрал такую профессию, заранее знаешь ответ. Я попыталась предугадать и ваш ответ, но...

— Неужели не смогли? И, наверное, сейчас ждете чего-то необычного? Придется мне вас разочаровать. Учитель говорит: «Люблю детей». Врач: «Люблю людей». А я люблю театр. И всю жизнь стремилась в него попасть. Согласна была работать кем угодно. Моя трудовая книжка пестрит записями: слесарь-сборщик, радиотелеграфистка, швея и т. д. Я работала в управлении хлебных продуктов кладовщицей, когда моя знакомая сказала, что театр имени Кольцова требует ученика художника-гримера. На следующее утро ни свет ни заря прибежала к служебному входу, где висело это объявление, и с опаской смотрела на каждую девчонку: боялась конкурентов. Теперь работаю восьмой год по одной специальности.

Смеется:

— Бегать больше не собираюсь.

— Изабелла Платоновна, если кто из наших юных читателей захочет стать художником-гримером, не повторяя ваш длинный путь...

Снова смеется:

— Я попыталась бы их отговорить. Кроме фантазии и творческих поисков здесь есть физические трудности. На изготовление одного парика уходит по 2—3 недели — работаешь до рези в глазах (у меня даже зрение ухудшилось). А представьте себе, если к одному спектаклю понадобится с десяток париков. Впрочем, самых «настырных» и «фанатиков» не отговорить, по себе знаю. Им по секрету хочу сообщить, что училища, где их научат делать чудеса, есть в Москве, Казани и в Одессе.

* * *

...Звонок, зовущий зрителей в зал, актеров — на сцену. В гримерной мастерской быстро пустеет. Часто пишут: «Она подходит к окну, смотрит на деревья». Она действительно подходит к окну и смотрит на деревья. Там — осень. У нее — тридцать четвертая.

...А глаза — как у моего одесского друга Еремеича.

Н. СТАВИЦКАЯ.

На снимке: художник-гример Изабелла Кокашвили.

Фото Ф. Киселева.